Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Жан-Филипп Жаккар: Любите ли Вы Хармса?

05.02.2008.

Photo: Violaine Friedli

Сегодня у меня в гостях заведующий кафедрой русского языка и литературы Женевского университета, профессор и переводчик Жан-Филипп Жаккар.

Профессор Жаккар, с 2002 года Вы возглавляете русскую кафедру Женевского университета, сменив на этом посту профессора Жоржа Нива, который, как известно, был главным русистом в течение более тридцати лет и приобрел в этом качестве европейскую, если не мировую, славу. Трудно ли было после него вступить в эту должность?

Жан-Филипп Жаккар: Я этого боялся, но все прошло хорошо. Помогло то, что я знал профессора Нива очень давно, был его студентом, потом аспирантом, много с ним общался и работал. После его ухода и моего назначения, он никогда не вмешивался в

мои дела. Конечно, все знают и говорят о Нива, но мне это совсем не мешает и даже помогает. Нива - мой защитный слой, в какой-то степени моя «крыша». Меня вполне устраивает, что если у журналистов возникает вопрос, связанный с Россией, они обращаются к нему, а не ко мне.

У вас нет никаких русских корней. Откуда такая любовь к русскому языку, любовь, переросшая в профессию?

Я всегда увлекался языками и, поступив в Университет, сразу решил освоить какой-то трудный язык. Начав с изучения французского языка, я быстро поменял местами первый и второй основные предметы, и русский прочно занял главную позицию. Русский всегда привлекал меня фонетически, плюс я рано открыл для себя и полюбил русскую литературу и стал мечтать читать ее в оригинале. Другой мечтой было пожить в России, казавшейся тогда загадочной страной. Хотелось увидеть своими глазами, пообщаться с людьми и составить собственное мнение, потому что в то время о России говорили столько глупостей...

И Ваша мечта сбылась?

Да, мне удалось поехать стажером в Ленинградский университет. Правда, я не мог заниматься на кафедре советской литературы - общая обстановка начала 1980-х годов этого не позволяла, но зато никто не мешал мне проводить целые дни в библиотеке, а вечерами гулять по городу.

Вы не только преподаете русскую литературу, но и занимаетесь литературным переводом. Почему в качестве своего «объекта» Вы выбрали такого нетипичного автора как Даниил Хармс?

Я очень всегда интересовался авангардом. Когда мы с профессором Нива обсуждали тему моей дипломной работы, он мне предложил Хармса. Тогда в Германии как раз начали издавать полное собрание его сочинений, правда, этот проект не был завершен. Короче, я с радостью согласился. Потом, в 1983 году, я снова отправился в Россию. Официально, темой моей работы была «Детская литература 1920-х годов», а неофициально - Хармс.

В то время, а это было при Андропове, Пушкинский дом был закрыт для иностранцев, так что я занимался в Ленинградской публичной библиотеке. И там мне крупно повезло: я нашел рукописи Хармса и начал их от руки переписывать. Переписал пятьдесят тетрадей! Два года назад при моем участии записные книжки Хармса были изданы.

Мало кто из советских и даже постсоветских детей не читал веселых и оригинальных стихов Хармса, например, о веселых чижах или об Иване Топорышкине, который пошел на охоту. Почти все они построены на игре слов. Как же можно их перевести и способен ли вообще, по Вашему мнению, франкоязычный читатель оценить всю прелесть и оригинальность творчества Хармса?

Оценить Хармса можно, а перевести - нет. Мой перевод чисто прозаический, предисловие к книге так и называется «Проза поэта». Вообще издавать стихи Хармса на французском надо очень маленькими порциями, чтобы читатель мог «усвоить».

Считается, что есть русские авторы, которых легче переводить, например, Пушкин. Вы с этим согласны?

Знаете, Пушкина переводили без конца, но французского Пушкина так и не появилось. Французы, читающие Пушкина, не понимают, за что его так обожают русские и что в нем такого великого. Вот не так давно Маркович перевел «Онегина», это первый перевод с соблюдением онегинской строфы, просто здорово. Русскую поэзию переводили, переводят и будут переводить, нужно только, чтобы переводчик был немножко поэтом. С Хармсом немножко труднее, чем с другими, но зато как интересно!

А как реагируют французы и швейцарцы, благодаря Вам открывшие для себя Хармса?

Оптимально. Причем я говорю даже не о своих знакомым, которым я уже все уши прожужжал про Хармса, а например, зрители в театре, ведь его довольно много ставили. Я слышал как в публике недоуменно перешептывались «Ну что за текст? Что это за текст?», а в антракте раскупали все имеющиеся в продаже книги.

Это не удивильно, ведь на самом деле абсурдизм ближе западному человеку, чем русскому, жанр короткого рассказа без концовки мы «открыли» раньше вас ... К русским этот вид литературы пришел позже, но расцвел на благодатной почве.

Второй «ваш» русский автор - Николай Эрдман.

Не могу сказать, что Эрдман мой. Хармс - другое дело, я «живу» с ним уже много лет: писал диплом, диссертацию, переводил, работал в театре, держал в руках рукописи. А пьесу Эрдмана «Мандат» меня попросили перевести для женевского театра Грютли, где она и была поставлена в 1996, после чего ее текст с моими комментариями был издан отдельной книгой. Я очень рад, что имел шанс поработать над переводом этого прекрасного автора с трагической, как и у большинства русских писателей, судьбой.

Кто студенты возглавляемой Вами кафедры?

Их около ста, половина швейцарцы, остальные - теперь - иностранцы, много русских.

Русским, наверное, легче учиться, ведь это их родной язык?

Они думают, что им легче. Мы же рассматриваем язык только как средство, поэтому кроме владения им, надо хорошо разбираться в литературе, в истории. Кроме того русские студенты должны освоить некоторые лингвистические приемы, которые не преподаются в России. А мы в свою очередь немножко больше с них требуем, особенно в письменных работах.

А местные студенты, поступая учиться, должны уже знать русский?

Нет, первые два года преподавание ведется на французском, а с третьего - все семинары и экзамены проходят уже на русском. Все наши преподаватели языка, а также лингвистики - «настоящие» русские. Лекции по истории читает нашим студентам известный профессор Владимир Берелович, который делит свое время между нами, историками и Европейским университетом. А перевод на русский преподает господин Дубровкин, который в основное рабочее время - банкир.

Мне уже несколько раз доводилось слышать, что интерес к изучению русского ослабевает. Замечаете ли Вы это у себя на кафедре?

Замечен спад интереса у студентов к гуманитарным предметам. Раньше русское было большим «экзотическим» отделением. Даже когда в Сорбонне дела пошли хуже, у нас все было стабильно. Изменение образа русских на «новых» русских, произошедшее при Ельцине, тоже не особенно на нас повлияло. Кроме того в Швейцарии, в отличие от Франции, русский язык никогда не был связан и не ассоциировался с компартией. Причины снижения числа студентов у нас очень прозаичны: в Женеве невозможно найти квартиру, а если и найдешь, то не сможешь ее оплачивать, а русский и в других местах преподается. Много студентов из бывших соц.стран, вошедших в Евросоюз, предпочитают учиться в других европейских странах, не связываясь со швейцаркими сложностями. В этом году, например, впервые с незапамятных времен у нас нет ни одного студента из Польши.

Вы не жалеете, что выбрали русский своей профессией?

Ну что вы! Попав в Ленинград, я сразу влюбился в людей, в город, ощутил себя дома. В Париже, например, я так себя не чувствую.

PS Через несколько недель профессор Жаккар отбывает в любимый им Санкт-Петербург для работы над книгой - сборником своих статей о русской литературе. На русский язык была переведена его книга «Даниил Хармс и конец русского авангарда» (Санкт-Петербург, гуманитарное агентство «Академический проект», 1995 г.)

Женевский университет
русский язык и литература в Швейцарии

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/zhan-filipp-zhakkar-lyubite-li-vy-kharmsa*